

ВЫРАЖЕНИЕ СРАВНЕНИЯ В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Несмотря на появление в последние годы серии работ, посвященных описанию разнообразных типов тюркских сравнений на материале якутского, казахского, алтайского и некоторых других языков (Васильев, 1981, 1986; Коныров, 1985; Тыбыкова, 1989), эта большая проблема остается пока открытой. Изучение сравнений, как уже показали исследования на материале русского языка, а также и других хорошо изученных языков Европы, ведется в нескольких направлениях. Русскому сравнению только в последние десятилетия посвящены десятки работ, тогда как в тюркологии таких работ пока лишь единицы. Между тем, в каждом тюркском языке сравнения выражаются по-своему, каждый язык заслуживает под этим углом зрения самостоятельного изучения.

Сравнение понимается в специальной литературе как особая структура мысли; ее специфика состоит в одновременном присутствии в сознании двух сопоставляемых представлений, которые сближаются на основании какого-то общего для них признака и одновременно противопоставляются по каким-то другим основаниям, разным для разных типов сравнений.

Эта содержательная, мыслительная специфика закономерно предполагает и определенные, специальные формы, способы выражения, которые очень разнообразны. Они и должны в первую очередь стать объектом лингвистического исследования.

Сравнения тувинского языка до сих пор не были предметом специального изучения. Только в работах более широкого плана им уделялось определенное внимание (Сат, 1955; Исхаков и Пальмбах, 1961; Шамина, 1990). Целью данной статьи является дальнейшее выявление разнообразных способов выражения сравнений, а также попытка связать определенные языковые формы сравнений со специ-

фическим содержанием и наметить, – разумеется, пока только в первом приближении, – системные отношения в сфере тувинских сравнительных конструкций, то есть между определенными формами сравнений и передаваемыми ими компаративными смыслами тувинского языка.

Сравнение будет приниматься в этой статье как синтаксическая конструкция, состоящая из определенного числа необходимых компонентов (см. Черемисина, 1971, 1976). Такими компонентами ПОЛНОЙ сравнительной конструкции являются следующие. Во-первых, слово, сочетание слов или предикативная единица, представляющая тот предмет, или, реже – то событие, действие, состояние или признак, с которым сравнивается что-то другое. Этот компонент сравнительной конструкции является главным в том смысле, что без него сравнение не было бы сравнением. Его будем называть ЭТАЛОНОМ сравнения.

Второй компонент – тот предмет или то событие, о котором шла речь, которое сравнивается, ради которого привлекается эталон сравнения; его назовем ПРЕДМЕТОМ сравнения. Естественно, что этот компонент также необходим, ибо без него сравнение лишилось бы своего назначения.

Необходимым элементом полноправной сравнительной конструкции является также ПОКАЗАТЕЛЬ СРАВНЕНИЯ. В этой роли может иногда выступать морфема в составе словоформы, представляющей эталон сравнения, но чаще выступает отдельное служебное слово; иногда эту роль может принимать на себя и знаменательное слово, в частности, сказуемое, выраженное словом, в семантике которого содержится сема ‘подобие’ (например, *русск.* похож, подобен, напоминает, *тувинск.* хевирлеш, дүрзүлеш – ‘подобный’).

Кроме того, в состав большинства простых сравнительных конструкций входит еще один компонент, называемый ПРИЗНАК, по которому предмет сравнения сближается с эталоном. Этот компонент обычно называют МОДУЛЕМ сравнения.

Рассмотрим с точки зрения структуры следующий тувинский пример:

Мен сугда ыяш ышкаш сириңейнип тур мен (Там., 200) – Я трясусь, как дерево в воде. Здесь предмет сравнения – мен ‘я’; эталон сравнения – сугда ыяш ‘в воде дерево’. Показатель сравнения – служебное слово ЫШКАШ, которое принято считать послелогом, но, учитывая его свойства, его следовало бы вынести в особый класс служебных слов, показателей сравнения. Без него не получили бы

выражения именно СРАВНИТЕЛЬНЫЕ отношения между предметом и эталоном сравнения.

Последний, четвертый компонент сравнительной конструкции, модуль, в приведенном предложении представлен сказуемым: сириңейнип тур мен – ‘трясусь, дрожу’.

Модуль сравнения выражается чаще всего глаголами и прилагательными, четко называющими действие или признак. Приведем пример с модулем-прилагательным:

Чадаананың суу аржаан ышкаш соок, шил дег кылагар (СС, 201) – Вода Чадана (название озера) как аржан (родник) холодная, как стекло прозрачная. В составе второго сравнения, как видим, в позиции показателя использовано другое служебное слово – дег.

Пример с модулем, выраженным глаголом:

Дужактыг мал дег илдигер – Запинается, словно спутанный конь.

Модуль сравнения может быть выражен и наречием. Обычно это наблюдается в тех случаях, когда позицию сказуемого занимает глагол широкой семантики; наречие при нем выполняет функцию конкретизатора: оно называет тот признак действий или состояния, который ложится в основу сравнения. Например:

Чүректин согары чарыштырган аът-ла – в русском переводе: Сердце бьется, как конь на скачках; в грамматическом переводе иначе: Удары сердца – как состязавшийся (участвовавший в состязаниях) конь. Формально здесь нет модуля, но указание на признак включено в словосочетание, представляющее эталон.

Бажының дүгү ажыган хаван сирти-ле (БХ, 177) – Волосы на его голове (букв.: его головы) – как щетина расщипавшего кабана. В роли показателя в обоих приведенных сравнениях без модуля выступает усилительная (усилительно-сравнительная) частица ле. Эти сравнения сопоставимы с русскими сравнениями с показателями типа “прямо”, “настоящий”, “живой” + существительное, например: Наш учитель – прямо Буденный: такие же усищи.

Между сравнительной (компаративной) конструкцией и предложением как синтаксической единицей существуют определенные отношения. Эти две конструкции не тождественны друг другу, но связаны устойчивыми соответствиями.

Позиции сравнительной конструкции, охарактеризованные выше, соответствуют подлежащему, модуль сравнения – сказуемому, которое может быть адъективным или глагольным; при отсутствии модуля позицию сказуемого занимает слово (выражение), представ-

ляющее эталон сравнения. При наличии адъективного или глагольного модуля эталон сравнения, который в компаративной конструкции является самым главным членом, в предложении занимает, вместе с показателем сравнения, особую позицию, которая часто огрубленно приравнивается к позиции “обстоятельства сравнения” или “сравнительного определения”. Однако правильнее называть эту форму **КОМПАРАТИВНЫМ ЧЛЕНОМ ПРЕДЛОЖЕНИЯ**, потому что его специфическая функция несравнима с функциями никаких других обстоятельств. Предмет, привлекаемый говорящим для пояснения особенностей основного предмета, о котором идет речь, чаще всего вообще не существует в описываемой действительности. Так, в приведенных выше примерах словами “сугда ыяш ышкаш сириңейнип тур ...” описывается состояние человека; ни воды, ни дерева в описываемой ситуации нет. Следовательно, они не могут быть обстоятельствами “образа действия” ситуации “человек дрожит”, хотя сравнение и призвано образно представить, **КАК** он дрожит.

Для представления сравнительных конструкций мы будем пользоваться следующей символикой.

N – существительное, А – прилагательное, V – глагол; С – показатель сравнения (дег ышкаш). В скобках около существительного будет сокращенно указываться падеж: (неопр.), (вин.) и др. Модуль сравнения, когда это потребуется, будем обозначать символом М.

Как уже было сказано, в каждом языке есть свой фонд сравнительных конструкций, каждой из которых соответствует свой, особый сравнительный смысл или оттенок смысла. Это общее множество форм можно подразделить на несколько типов, которые могут быть разными в зависимости от выбранной точки зрения. Мы сейчас будем рассматривать только один из типов сравнений – простые предметные сравнения, которые и имелись в виду в той общей характеристике, которая была дана выше. Так называемые “модальные сравнения”, описывающие разные типы “кажмости”, т.е. субъектного сближения событий, выражаемые обычно сложными предложениями, например:

Петр Петрович ону шагдан тура-ла таныжар эжи ышкаш кылдыр хулээп алган (VI-61, с. 4) – Петр Петрович принял его так, словно он был его давний приятель, – остаются пока за пределами нашего анализа.

Предметные сравнения, в свою очередь, подразделяются на два типа: “количественного” и “качественного” сравнения. Сравне-

ния всегда основываются на том, что между двумя предметами (или ситуациями) находится общий признак, общее качество. Но само сравнение может идти по линии раскрытия качественного своеобразия основного “предмета мысли” (путем сравнения с чем-то другим) – или по линии “меры” общего качества, – большей у одного и меньшей у другого из сравниваемых предметов. Такие “количественные сравнения” организованы проще, поэтому удобней с них и начать анализ.

Сравнения количественного типа.

В сравнениях количественного типа элемент качественного сравнения безусловно присутствует, однако в центре внимания находится разная мера общего качества.

Количественные сравнения характеризуются своим набором показателей. Среди них есть морфологические – в тувинском это показатель исходного падежа – и есть аналитические, т.е. специальные служебные слова. Как и слово **ЫШКАШ**, их обычно называют послелогоми, но по целому ряду существенных признаков они отличаются от послелогов и составляют особый класс, специфические свойства которого еще подлежат изучению. В тувинском это слова **ХИРЕ**, **КӨӨРДЕ**, **БОДААРГА**, **ДЕННЭЭРГЕ**, **КӨШКҮРҮҮРДЕ** (көшкүрүүрге).

Рассмотрим сначала конструкции с морфологическим показателем количественного сравнения. Эту модель можно представить структурной формулой: {N(неопр.) N=данА}.

Приведем примеры:

Бо даг дөө дагдан бедик – эта гора выше той (букв.: эта гора от той горы высока); Мен акымдан чолдак мен – я ниже своего брата (букв.: я от своего брата низок). Как видим, в тувинском языке сказуемое-прилагательное выступает не в сравнительной форме, а в положительной. Обратим внимание также на то, что в этих сравнениях оба сравниваемые предмета предстают как совершенно реальные, известные собеседнику и адресату. Приведем еще некоторые примеры.

Бо аргамчы дөө аргамчыдан арай узун – Этот аркан чуть длиннее того; Бо пөс дуу пөстен аккыр – Эта материя гораздо белее той (... от той ярко-белая). В этих примерах выражено не только превосходство одного из предметов относительно данного качества, но также – в первом примере – незначительность преобладания степени качества (об этом свидетельствует служебное слово аарак) и

значительное превосходство первого предмета во втором случае (об этом говорит форма предикативного прилагательного аккыр).

Еще пример: Менден узай берген-дир сен (ТРС, 436) – Ты стал выше меня ростом (букв.: (от) меня высокий стал ты). Здесь, как видим, сказуемое не прилагательное, а сложный глагол узай берген ‘стал выше’. Признак представлен как динамический. Сравн. пример без указания первого, сравниваемого, предмета: Аьттан бедик, ыттан чавыс (ГТЯ, 189) – Выше лошади, ниже собаки (тувинская загадка).

В приведенных примерах признак, объединяющий сравниваемые предметы – величина (высота, длина, рост, только в одном примере цвет). Но конечно, количественные сравнения могут идти и по другим направлениям. Например возраст.

(Ол) аныяк, бистен чүгле бир-ийи хар улуг боор (А.Бегзи) – Он молодой, (от) нас только на 1-2 года, наверное, старше. Ол Бовуу дээрге, менден үш-дөрт-ле хар улуг (Сарыг-оол, с. 24) – Бовуу старше меня только на 3-4 года. Сенден ушчок аныяк тургаш, совхоз директорлап келдим – Будучи моложе тебя, я работал (работаю) директором.

Нередко встречаются количественные сравнения оценочного характера. Даартагы чагдан богүнгү өкпе дээр (РТС, 140) – Завтрашнего сала сегодняшние легкие лучше. Ыр ырлаанындан шай ишкени багай болбас (НФ, с. 818). – Чаепитие не хуже пения. Грамматический перевод: Пение песен питья чая не хуже.

В случаях, когда сравниваются два состояния одного объекта, называющее этот объект существительное может не повторяться. Аффикс исходного падежа принимает на себя прилагательное, которое выделяет, “формирует” представление о втором объекте. Например:

Бөгүн агаар дүүнгүзүнден эки-дир (РТС, 243) – Сегодня погода (от) вчерашней лучше. Сравним: богүнгү агаар дүүнгү агаар-дан эки-дир – Сегодняшняя погода (от) вчерашней погоды хорошая.

Рассмотренная модель самая употребительная и самая простая из моделей количественного сравнения. В роли показателей сравнения в составе количественного типа используются также показатели, являющиеся по происхождению причастно-падежными формами глаголов: КӨШКҮР=ҮҮР=ГЕ – (дательный падеж причастия будущего времени от глагола кошкүр= ‘сравнивать, принимать за’) и ДЕН=НЭЭР=ГЕ (та же форма от глагола денне ‘равнять, уравнивать, сравнивать, сопоставлять’).

Адыгга көшкүүрге, хонук чедер эьттиг-даа мен, хонак-биле холуй хайындырар хоюг-таптыг мүннүг-даа мен, аяк чедер ханныг-даа мен (ОСо, с. 70) – По сравнению (если сравнивать) с медведем, я мясистый, из моего мяса будет вкусный бульон, и у меня много крови.

Обратим внимание на следующий пример: Биске көшкүүрде, орукту ол эки билир (ТРС, 260) – Он знает дорогу лучше, чем мы (по сравнению с нами хорошо). Здесь сказуемое – не прилагательное, а глагол, который, однако, имеет при себе качественное определение эки; это и позволяет сформировать количественно-качественное, оценочное сравнение.

В аналогичной роли выступают и лишь частично десемантизированные причастно-падежные формы глаголов с семантикой ‘думать’ и ‘смотреть’: БОДА=АР=ГА ‘думать’ (причастие будущего времени, дательный падеж) и КӨ=ӨР=ДЕ ‘смотреть’ (причастие будущего времени, местный падеж). Например:

Дүүн хүнге бодаарга, бөгүн чылыг-дыр (ТРС, 107) – Сегодня теплее, чем вчера (по сравнению, сравнивая со вчерашним). Силер 8 “б”-ниң уругларынга бодаарга, пат-тыр силер. – По сравнению с девочками 8 “б” класса вы значительно хуже. Кажын ховаа көөрдө, арыг ишти чылыг (ТРС, 258) – Зимой в лесу теплее, чем в степи.

Как видим из примеров, все эти глаголы требуют от существительного, представляющего эталон сравнения (предмет, с которым сравнивается некоторый другой предмет), формы дательного падежа, а не исходного, как в рассмотренных ранее примерах. В этом состоит формальная отличительная особенность фраз с рассматриваемыми показателями сравнения. Дательный падеж здесь обусловлен требованием, исходящим от глагольного по происхождению показателя сравнительных отношений, тогда как в первой группе конструкций сам показатель исходного падежа является показателем сравнения.

Независимость формы исходного падежа в количественных сравнениях тувинского языка от какого-либо господствующего, управляющего слова, обусловленность этой формы только ролью слова как эталона сравнения, позволяет считать конструкцию с этой формой первичной, основной в системе количественных сравнений.

О первичности этой конструкции свидетельствует также обще-тюркский характер этой конструкции. Она известна не только всем тюркским языкам Сибири, но и языкам других тюркских ареалов. Приведем примеры:

хакасск.: Чир Айдан улуг – Земля больше Луны; Чахсыдан чахсы – Лучше хорошего; узб.: Калам ручкадан узунрок – Карандаш длиннее ручки; Деразадан эшик катта – Дверь больше окна (Языки народов СССР, т. 2, с. 346); шор., загадка: Инектен кичик, койдан улуг – Меньше коровы, больше овцы (там же, с. 472); азерб.: Бачым мэндэн бојукдур – Моя сестра старше меня (там же, с. 72); туркм.: Ол сенден-де гуйчли – Он сильнее тебя (там же, с. 99) и др.

Сравнения качественного типа

Идея качественного сравнения наиболее четко выражается в тувинском языке при помощи показателя дег 'как, подобно'. Этот показатель восходит к общетюркскому фонду: ему непосредственно соответствует древнетюркский показатель TEG, квалифицируемый авторами Древнетюркского словаря как послелог 'как, словно, будто': jajimiz tegira ucnq teg erti 'враги наши были кругом, словно хищные птицы' (ДТС, с. 546). В древнеуйгурском языке, как видно из примера, приведенного В.М.Насиловым, формант TEG тоже употреблялся аналитически: йншуртукын билмес киши тег 'подобно людям, не знающим об их вражде' (1963, с. 59). Однако, как замечает Е.И.Убрятова, в древнеуйгурском аффиксы падежей тоже писались отдельно.

К этому же древнему аналитическому показателю восходит аффикс =дай/=дей в целом ряде современных языков. Его приводит П.И.Мелиоранский уже как гармонирующий, аффиксальный: Ат басындай алтын – кусок золота с конскую голову (с. 24). Н.К.Дмитриев назвал кумыкский формант dai "устаревшим послелогом":

'человек, подобный собаке' (с. 432, 254, 47). Н.Ф.Катанов оценивал формант дег как послелог: кас дег 'как гусь', бөрү дег 'как волк' (с. 205). В тех языках, где формант дег (дай) гармонирует, его называют аффиксом, нередко – показателем сравнительного или приравнительного падежа: tomurdeq 'подобный железу', kumysdeg 'как серебро' (Насилов, 1940, с. 46). Малов в работе "Язык желтых уйгуров" говорит не о послелогe дег, а о "частице сравнения", которая, судя по примерам, гармонирует: сакыскандаг 'как сорока', кыздаг 'как девица' (1957, с. 172).

В алтайском языке ему также соответствуют аффиксы =дый/=дий: арсландый 'как лев', чечектий 'как цветок'; в хакасском этот аффикс отсутствует, в шорском – -tij/-dij.

Тувинский показатель ЫШКАШ имеет соответствия в тюркских языках Сибири: в алтайском это ошкош; в хакасском охас, в шорском ошкаш.

Сказуемое, называющее признак сравнения, может быть выражено прилагательным или глаголом. Глагол может иметь при себе определяющее его наречие, которое в составе предложения является обстоятельством, а в составе сравнительной конструкции – модулем. Оба эти показателя формируют серию сравнительных конструкций, которые можно записать следующими формулами:

1. {N (неопр.) N(неопр.) дег/ышкаш A}
2. а) {N (неопр.) N(неопр.) дег/ышкаш }
б) {N (неопр.) N(неопр.) дег/ышкаш ADV+V}

В этих формулах отражена характерная для тувинского языка, как и для других тюркских, финальная, заключительная позиция модуля. В русских переводах модуль занимает позицию между предметом и эталоном сравнения.

1. Сравнения с модулем, выраженным прилагательным.

Наиболее представителен в тувинском языке, по-видимому, первый тип, адъективный. Прилагательные обозначают статические признаки предметов. Поэтому и сравнения с такими модулями ориентированы на статические, постоянные характеристики людей или предметов. Эталоном адъективных сравнений являются преимущественно предметы, хотя могут быть и животные, и даже люди, если они рассматриваются с точки зрения характерных для них, стабильных внешних или внутренних признаков. Например:

Кортуу ховаган дег,
Дезии дээлдиген дег,
Чалчыраажы сааскан дег,
Сарыыл чогу мезил дег.
Словно бабочка труслив,
Словно коршун пуглив,
Как сорока болтлив,
А уж глуп, как налим (ЧЧ, 36).

Довольно многочисленны сравнения по внешним признакам. Предметом таких сравнений обычно является человек, хотя возможны в этой роли и животные, и предметы. Человек может сравниваться с чем-то и как "целое", например:

Кургаг сыра дег, узун, чотпугур эриннерлиг, шөйбек, шокар арынныг лама кижы уткуштур кел чор (СТ) – Как засохшее дерево,

высокий, с вытянутыми губами, с продолговатым рябым лицом, на встречу идет лама. В этом примере образ сравнения – кургаг сыра ‘засохшее дерево’ – соотносится не только с признаком высокий, но и с остальными характеристиками наружности ламы.

Но чаще предметом сравнения становится какая-то характерная часть тела: зубы, волосы и др. Например:

Бажының дүгү дүмбей дүн дег, хөө кара (Сур., 201) – Ее волосы, темные (совсем черные), как глухая темная ночь. Базаанчы база дириг кижиниң сеткили ышкаш дыңнангыр (Аялга) – Базаанчы тоже как душа живого человека, чуткий; ...ол аажок чалыы кылдыр көзүлгөн бичижек мага боттут, чаш пөш дег чинге дурт-сынныг, дизи каан бес дег ак диштерлиг (Уйгу, 28) – Он очень молодо выглядел, малорослый, со станом тонким, как молодой кедр, с зубами белыми, как нанизанный кандык (как зернышки, бусины из кандыка). Аныак херээжен кижиниң чиирбей дег чинге салаалары аалчының улуг аспааның иштинче чаштына берген (УХ-71, 25) – Пальцы молодой женщины, тонкие, как росток, скрылись в большой лапе гостя; Бирээзи – адагаш дег узун буттарлыг, бышкан кызыл-тас сывы дег чокпак сарыг салдыг орус эр (Уйгу, 27) – Первый, длинноногий, как столб, с пышной светлой бородой, как вызревший пшеничный колос, русский мужик.

Неодушевленные предметы значительно реже избираются в качестве объекта сравнения, хотя и такие случаи вполне возможны и встречаются в текстах. Например:

Ооң балдызы шынап-ла хылыш дег чидиг (Там, 43) – Топор его, как меч, острый.

Рассмотрим интересный пример, густо насыщенный сравнениями: Каа-Хемниң чалгыы ышкаш, күштүг хартыганың ужары ышкаш дурген, эзирниң эреси ышкаш күштүг мөге Сеңгин үнер деп тур оо (Там, 103) – Сильный, как волна Каа-Хема, быстрый, как полет ястреба, смелее орла, сильнее сильных борец Сенгин собирается выходить. Обратим внимание на то, что здесь сравнительная конструкция встроена в предложение, т.е. выступает во вторичной синтаксической функции. Ее можно вычленить из того предложения, в которое она включена. Первую линейную позицию должно будет занять имя сравниваемого лица: мөге Сенгин. Далее, в том порядке, который был указан выше, расположатся имена эталонов сравнения и, в сопровождении показателей, прилагательные-предикаты:

Каа-Хемниң чалгыы ышкаш, күштүг

Мөге Сеңгин

күштүг хартыганың ужары ышкаш дүрген

(Борец Сенгин как волна Каа-Хема силен, как полет ястреба быстр).

В тувинском языке, как и в русском, нередки адъективные качественные сравнения с несколько иной синтаксической структурой. Статический признак, выраженный прилагательным, из позиции сказуемого может переходить в позицию определения при существительном, называющем эталон сравнения. В этом случае формально сравнительная конструкция оказывается лишенной модуля. Она строится по формуле: {N(неопр.) AN (неопр.) дег/ышкаш}

Если прилагательное-определение выражает именно тот признак, на который ориентировано сравнение, эта конструкция является стилистическим вариантом основной конструкции, где прилагательное занимает позицию сказуемого. Например:

Ооң балдызы шынап-ла хылыш дег чидиг (Основная модель) – Ооң балдызы шынап-ла хылыш дег – Его топор в самом деле как острый меч (стилистический вариант).

Примеры из текста: Арны-бажы үргүлчү баар дег чоруур (Уйгу, 1120) – Лицо его всегда как синяя печенка (ср.: Арны-бажы үргүлчү баар дег көк чоруур – Лицо его постоянно бывает синее, как печенка); Ында хөй кезии аныак ыштарлыг шыргай арыг, ногаан олбук ышкаш оймак шык (Сур. 200) – Там густой лес в основном с молодыми деревьями, поляна как зеленый коврик. Хылдары ак хар дег аът кудуруу – дыка-ла көрүштүг эт болган (Аялга, 55) – Струны из лошадиного хвоста как белый снег – прекрасный инструмент был (вещь). Сравним: Струны белые как снег. Ынчан чаян бооп, украиннер дег, халагар эрин салдыг, улуг-чаагай эр кижии базып келген (Кудажы) – К счастью, пришел здоровый парень, усаый, как украинец.

Адъективные сравнения выступают обычно в форме “прямой” конструкции, то есть строятся по схеме простого предложения. Но встречаются и такие случаи, когда такое первичное сравнительное предложение включается в другое, и в новом предложении предмет сравнения оказывается не подлежащим, а дополнением или обстоятельством. Например:

Хоютку салбайтып калбаска, дуруяаның чазыйы ана чүден дора, дош ышкаш чаагай тарааны узун думчуу-биле тө шаап кааптар (Аялга, 55) – Если не сделаешь пугало, журавли очень прожорливые, – Обильное, как лед, зерно длинным носом расклюют. Еще подобный пример: Ынчаарда мен көдээ суурга шивээ ышкаш бедик херимниг борбак бажыңга чурттап турдум (Аялга, 158) – В то время я жил в селе, в маленьком домике с высоким забором, как крепость.

Здесь первичная компаративная фраза – тараа дош ышкаш чаагай – зерно обильное, как лед. Она включена в предложение, сообщающее о том, что журавли (длинные журавлиные клювы) поклюют это обильное зерно; слово тараа=ны принимает показатель винительного падежа, но образ сравнения – дош 'лед' – сохраняет (как и по-русски) свою первичную прямую форму.

2. Сравнения с модулем, выраженным глаголом.

Сравнения, основанные на динамических признаках, выражаемых глаголами, для тувинского языка менее характерны. Однако и они встречаются в текстах нередко. Эталонном таких динамических сравнений часто являются животные. Например:

Шимээни, сааскан дег, шыжыладыр чаңчанып чыдып калган (Кудажы, 192) – Остался трещать (скворчать), как сорока. Кым-даа ыытаваан, эзирден корткаш, хоруй берген уларлар дег, ылымчылым барган (УХ-71, 61) – Все молчали, боясь орла, словно горные индейки притаились, затихли.

И модуль, и эталон (образ) глагольного сравнения, в большей мере, чем адъективного, способны развертываться, представляя целые вспомогательные ситуации, например:

Ашактың бичии оолдары, үнгүрүнче суг кудупкан кускелер дег, баш сугар чер тыппайн маннажып турганнар (Кудажы, 131) – Младшие сыновья старика бегали, не зная куда спрятаться, как мышки, попавшие в воду в норе.

Среди глагольных сравнений нередко такие, которые связаны с сугубо человеческими действиями; образом в таких сравнениях является человек. Например:

Ол оран-таңдызының дөрт чүгүнче ак чемин чажып, йөрээл сөзүн тоолчу дег алганы аарак ырлап турган (УХ-49) – Он, разбрызгивая на четыре стороны белую еду, благословения, словно сказочник, пел. Ол, бичии кижии дег, ыглап турар – Он плачет, как маленький. Тенек аарыг кижии ышкаш алгырып турар (ТРС, 586) – Кричит, точно сумасшедший.

Нередко слово кижии в сравнениях этого типа опускается, и образ сравнения бывает представлен прилагательным или причастием, которые в этой позиции можно считать субстантивированными.

Например: Николай соккан ышкаш удаан (Там, 111) – Николай спал как убитый. Ол, согур дег, холун чайган – Он, как слепой, замахал руками.

Встречаются также динамические глагольные сравнения с предметными, вещественными эталонами. Модулем в них обычно бывает глагол движения, например:

Оң хейде-ле, шыжыгып, отка каапкан сиир дег, дырыжаңайнып, оларны чүгле эттеп-согарыңга өйлежип калган (Кудажы, 136) – Потом напрасно раздражаясь, как сухожилие, брошенное в огонь, дергалась, только успевала бить их. Эмиге алдын элезин дег төктүп чытпаан (Уйгу, 240) – Золото в Эмиге не текло, как песок.

Часто, однако, сравнения с модулем, формально выраженным глаголом, по своему характеру оказываются мало динамичными или вообще статичными, а потому сближаются с качественными сравнениями со статическим модулем, выраженным прилагательным. Например:

Хүндүс чычаанның караан көөрүмге, дүлүп каан балык караан дег, агарып көстүр болган (УХ-49) – Днем, когда я смотрел на фары машин, (они) словно глаза рыбы вареной, белели (белея виднелись; ср. ак болган – 'были белыми').

Часто семантика глагольного модуля не исчерпывается собственно глаголом, – модулем является сочетание глагола с наречием. Например:

Ачам бүгү тайга кижилери ышкаш, анаа-ла бора бүдүн чурттап чораан (Там, 57) – Отец мой, как все люди тайги, жил просто.

Иногда вообще основной смысл сравнения определяется наречием, а не глаголом. Например:

Аннар көргени мээстиң бажындан, хөлөгелер дег, шипшимээн чок харап келгеннер (Ш.Суван, "Д", 123) – Звери с солнечной долины обозревали местность тихо, как тени. Здесь основная тяжесть сравнения ложится не на глагол 'обозревали', а на наречие 'тихо' (как тени).

Во многих примерах с глагольными сказуемыми сравнение имеет скорее общий качественный характер. Например: Ыш дег туман бедик даглар хамаанчок, хем иштинде безин диргелген (УХ-71, 350) – Туман, как дым, не только высокие горы, но даже середину

реки окутал. Сравнение тумана с дымом обусловлено не только тем, как он окутывал горы и реку, но прежде всего с их общей природой, "субстанцией". Сравним также: Хиндинде хир чок, кылаң дээрде сылдыстар соннуг-мурнуг чырып, дуга дег ай чөөн чүктен чоорту үнүп келди (Сур., 183) – На чистом, прозрачном небе одна за другой зажигались звезды, луна, как дуга, постепенно всходила на востоке. Образ сравнения – дуга – не помогает понять характер движения луны, но достаточно наглядно представляет ее образ на небе.

Иногда сравнения с глагольным модулем представляют идею множественности, большого количества, интенсивности движения. В таких случаях роль глагола в сравнительном содержании фразы сравнительно незначительна, глаголы могут быть разными, а образ соотносится прежде всего с представлением о движущейся субстанции. Например:

Чээрэннер шаанда аңаа куу туман дег көжүп турган (Аялга, 117) – В старину там антилопы, как сизый туман, передвигались. Көшкөн туман ышкаш кестүр-көзүлбес, черге дээр-дегбес хөй даваннарлыг куу аъттар мунган кижилер шапкылажып орлар (Аялга, 188) – Скачут всадники на серых конях с множеством ног, едва касающихся земли, мерцающих, как плывущий туман.

Как видим, глаголы здесь разные, но образ движущегося множества, "лавины", один и тот же – туман.

Отметим своеобразную разновидность сравнений, связанную с устранением повтора существительного, обозначающего как предмет, так и эталон сравнения. Такой повтор становится избыточным, когда предмет и эталон сравнения обозначаются одним языковым знаком, но противопоставляются значениям видовой или индивидуальной принадлежности, видового различия и т.п., которые выражаются прилагательными. В таких случаях существительное заменяется определением, которое в этом случае субстантивизируется. Один из таких случаев – использование в качестве эталона притяжательных форм: Буянынң карактары үзер инектии дег чидий берген (Уйге, 154) – Глаза Буяна, как (глаза) бодливый коровы (букв.: коровы), стали колпочие; Улусчу революциянынң үезинде хып дээн чалымы, угаанныг улуг карактарлыг, кадыр хавактыг, эзирнии дег, өткүт болгаш чидиг көрүштүг, мөге-шыырак, чараш чаагай эр (УХ-71, 9) – Во время народной революции это был очень молодой с умными большими глазами, пронзительным и колючим взглядом, как у орла (букв. орлиным), и крутым лбом, сильный (удалой) парень (юноша).

Кроме рассмотренных структурных типов сравнений в тувинском языке встречаются также сравнения без выраженного модуля. В этом случае непосредственно сопоставляются два предметные представления, а второе существительное маркируется показателем сравнения. Например: Бистиң бичии киживис диис оглу дег – Наш малыш как котенок; Бистиң ачавыс бөгүн кара булут ышкаш (булут-ла) – Наш отец сегодня как черная туча; Маша шуут-ла авазы дег апарган – Маша стала совсем как ее мать; Ооң ыды бызаа ышкаш – Его собака как теленок.

Сравним с этими следующие предложения:

Ооң күжү көкте буга дег дендеп орган (Аялга, 92) – Сила его становилась чрезмерной, как бык в зелени. Здесь обращает на себя внимание отсутствие семантического параллелизма между предметом и эталоном сравнения. По-русски здесь было бы сказано – сила как У БЫКА; но по-тувински допускается такое нарушение формального параллелизма, которое не препятствует восстановлению параллелизма в плане содержания.

Другой близкий пример:

Ийис анайлыг, инек дег эмиглерлиг дөңгүр ак өшкү кажаа иштинге эдип туруп калган (Аялга, 56) – С выменем как у коровы, коза с двумя козлятами осталась бляеть внутри кошары. Здесь тоже не назван признак, по которому идет сравнение, – само собою понятно, что обычно вымя у коровы много больше, чем у козы.

Остановимся теперь еще на одном широко распространенном средстве выражения сравнения. Это частица ЛА, которая имеет два значения: первое – усилительное, второе – сравнительное.

В отличие от рассмотренных выше показателей, частица ЛА (которая пишется через дефис) редко формирует сравнения с выраженным глаголом или адъективным показателем. Например, с модулем-прилагательным: (Ооң) чаажы холга өскөн ыт-ла, хол дээрге уйгузу кээп турганзыг – (он) смиренный, как собака, выросшая на руках, если тронешь – как будто сонный.

Гораздо чаще предмет и эталон сравнения сопоставляются с помощью этой частицы непосредственно. Например, в первой части фразы: Ийи чаагы энгиске-ле, карактары дозур-дозур, бышкан чо-дураа-ла, бутчугаштарын деңнээр чүве тыппас мен (КК, Шонгалай, 150) – Две щеки как румяна, глаза черные-пречерные, как спелая черемуха, а ножки – я не нахожу ничего, с чем можно сравнить. В этой

фразе только второе сравнение содержит модуль, но и то неполный: дозур-дозур (согласно ТРС, 167) передает значение “черные-пречерные” в сочетании со словом кара. В остальных случаях сравнения не содержат модули, и, надо сказать, что это типично для данной формы.

Таким образом, модель сравнений с этим показателем можно представить формулой: N (неопр.) – [A/V] – N (неопр.)-ЛА.

Здесь модуль, адъективный или вербальный, указываем в скобках, как факультативный компонент.

Приведем примеры с глагольным модулем:

Буян дээрге эмигден ам-даа чарылбаан чаш уруг-ла, чемче көрүмзэн-даа (Уйгу, 10) – Он, как малый ребенок, еще не отнятый от груди, даже не смотрел на еду.

Гораздо более характерна для конструкции с частицей -ле (-не) функция формирования безмодульных сравнений метафорического типа. Нередко при этом прилагательное, как было показано выше, перемещается из позиции модуля-сказуемого в позицию определения при эталоне сравнения, например, примеры такого типа:

Ашактың арын-шырайы өң чок – ак тос-ла (Адыг, 128) – Лицо старика бесцветно, как белая береста; Керттик-кыстың арны кызыл өрт-ле (СС, КН, 52) – Лицо девушки Керттик-кыс как красный пожар (огонь); Узун дуртундан дооразын ылгаар чүве чок, пашшууруун-на – Его длину не отличишь от ширины, весь он как переронный аппарат (здесь частица ле выступает в вариант не); Хар ак хөвөң-не (СТ, 184) – Снег как белый хлопок; Базып турда, ана семис серге-ле (МКЛ, 320) – Когда ходит – прямо как откормленный козел; Ырлаары-даа кончуг оол, боску ана сын-на чүгле сырынналыр чүве (Сүрүн-оол, 183) – Парень, который хорошо поет, горло прямо как марал, только заунывное. Здесь мы видим ту же особенность, о которой говорили выше: по смыслу горло поющего парня может сравниваться с горлом марала, но формально, в поверхностной структуре фразы горло (парня) сопоставляется с самим маралом.

Интересный подтип сравнений с этой частицей составляют такие, где в качестве предмета сравнения выступает абстрактное существительное, обозначающее качество, а эталон сравнения – предмет или живое существо, в высокой степени обладающее этим качеством. С прагматической точки зрения эти сравнения можно было бы считать разновидностью сравнений с модулем-

прилагательным, но структурно в них модуля нет и не может быть. Например:

Кыстың ээлгири өл хаак-ла – Гибкость девушки как мокрый тальник (по смыслу, девушка гибка, как тальник – но кыстың ээлгири ‘девушка гибкость’, сочетание, где кыстың ‘девушки’, род. падеж, – определение к ээлгери ‘гибкость=ее’. Аналогично: Ооң кашпагайы хартыга-ла – Его ловкость как ястреб; Ооң каржызы араатан-на – Его злость как зверь; Ооң мөгези буга-шары-ла – Его сила как пол-бык; Чажының кады аът чели-ле – Жесткость его волос – как конская грива; Сугнуң ары шил-ле – Чистота воды – как стекло; Уругнуң кашпагайы анай-ла – резвость девочки – как козленок; Ооң бажы дээрге барба-ла – А голова его – как кожаный мешок (больная, ничего не соображает).

Перевод частицы -ла в таких примерах русским союзом как приближителен, он не передает существенного оттенка, который связан с метафорическим уподоблением, с интенцией образа, эталона сравнения, вытеснить, заместить прямое указание на предмет сравнения. Во всех приведенных примерах это имя отодвинуто с основной позиции [N (неопр.)] в позицию первого члена изафетной определительной конструкции: {N (род.) +N=//} - кыс=тың ээлгир+и.

Рассмотренные способы выражения простого сравнения для тувинского языка являются не только самыми частотными, но также и самыми общими в содержательном отношении. Именно они представляют сравнение как грамматическую категорию и противостоят всем остальным способам. Но в роли показателей сравнения широко используются и такие, которые своими корнями прочно уходят в лексическую систему языка: они деривативно связаны со словами, обозначающими сходство, похожесть, подобие, или с такими, которые имеют подобные значения в качестве лексико-семантических вариантов или оттенков значений.

Таких “вторичных” средств в тувинском языке немало.

Самым употребительным из них является полуслужебное слово ДӨМЕЙ. ТРС толкует его через прилагательное и наречия: “подобный, одинаковый, аналогичный; похожий // подобно, одинаково, аналогично; как, как будто, будто”. Как видим, частеречные атрибутивное и адвербиальное значения здесь разграничены знаком //, а значение показателя сравнения как таковое не выделено. Анализ

материала подтверждает, что это слово регулярно употребляется в качестве знаменательного предиката. Например:

Че, чүл, кырган-авай, оол кымга дөмей-дир? – Что, бабушка, на кого мальчик похож? ... Кырган-авазынга дөмей боор эвеспе бо – На бабушку похож, наверное, не так ли? Как видим, в этом примере предикат дөмей, как и его аналог в алтайском – служебное слово туней, управляет дательным падежом (этот пример не единичен), однако значительно чаще этот показатель сравнения управляет и творительным падежом (формой -биле).

Основную модель сравнения с этим показателем представляем следующей формулой: N (неопр.) – N-биле – ДӨМЕЙ.

Вторая, более редкая модель (м.б. вариант 1-й модели): N (неопр.) – N-(дат.) – ДӨМЕЙ.

Слово ДӨМЕЙ занимает здесь самостоятельную позицию: это предикат, сказуемое предложения, сравн. русск.: КТО – НА КОГО – ПОХОЖ, ЧТО – ЧЕМУ – ПОДОБНО.

Такие конструкции переводятся на русский язык разными формами имен, выражающими эталон сравнения. Например: Тимур-оолга ындыг медээ күштүг согуг-биле дөмей болган (Донгак, 239) – Для Тимур-оола такая весть была подобна удару. Дөге даа Шаараш-биле дөмей болгу дег (ОСо, 253) – Гора Дөге, должно быть, похожа на гору Шараш; ... бүрүткөчкчи, сугже октаан даш-биле дөмей, сураг барган (ШК, 209) – Переписчик пропал, как камень, брошенный в воду. Ынчан интернатка школачы кижинин чурум-сагылгазы дыка шынгыгы, шериг-биле дөмей (Аялга, 80) – Тогда режим школьников в интернате был очень строгим, сходным с армейским (букв.: с армией). Номчуп орда, карактыг кижин-биле дөмей, чүгле сылаар (Аялга, 84) – Когда читает, очень быстро, как зрячий (букв.: как человек, имеющий глаза). Кадайы-биле сөс карышпастан, оозу чеже-даа чемелеп турда, дүлөй чүве-биле дөмей апарган (УХ-68) – С жедадой словом не обмолвился, даже не упрекнул ее, как глухой стал (букв.: глухому уподобился). В приведенных примерах слово дөмей выступает как конечное сказуемое, которое способно принимать дополнительные модальные характеристики. Например, существительное чүве, которое понимается здесь не в своем основном значении 'вещь', а как модальный показатель подчеркнутой достоверности, в данном случае может быть даже гиперболичности сравнения (см. об этом слове Д.А.Монгуш, 1983, с.30): А мээң эдертикчим дээрге, өөндө чүве-биле дөмей-ла дүште чок хаарыктавышаан (СТ,

15) – А мой сопровождающий продолжает спокойно храпеть, как дома. Предикат дөмей достаточно часто сочетается с такого рода своеобразными "вербализаторами".

Предшествовать ему могут не только существительные в управляемой им падежной форме, но и в различных свободных формах, например, в форме адъективного типа на -тыг:

Ооң соондан сүреримге, мырыңай маннаттынмас, бутгарым дужактыг-биле дөмей, адын адап кыйгырарымга, үнүм көңгүс үнмес, боостаам дунук ышкаш... (ОСо, 251) – Когда бежал вслед за ним, совсем не (передвигался) ноги как будто связанные, когда звал его по имени, голос как будто совсем пропал, горло как будто охрипло.

Предикат дөмей может появляться и после причастных форм, принимающих форму -биле (аналог творительного падежа). В таких случаях он переводится на русский словами типа КАК БУДТО, СЛОВНО, которые выступают не как сравнительные союзы, а как ирреализаторы сказуемого. Например: Шупту-ла белен, делгеп каан-биле дөмей (ОСо, 246) – Все готово, как на выставке лежит (букв.: как на выставке лежащее); Авамның аактыг сөстери, ооң нары-шээр чок аажылап орары мени оон-моон өрүмнеп турган-биле дөмей (ОСо, 241) – Резкие слова матери, ее неестественное поведение будто буравили меня со всех сторон.

Среди приведенных примеров встречались и такие, где слово дөмей выступало в качестве конечного предиката, и такие, где оно выполняет другую функцию, более близкую функции компаративного показателя: сопровождающий храпит, как дома; пропал, как камень, брошенный в воду; собака, похожая на волка.

Наряду с показателем дөмей в диалектах и разговорной речи используется целая серия других показателей, передающих семантику подобия, сходства, т.е. функционально близких к слову дөмей. Однако в литературных текстах они практически не представлены, и Б.И.Татаринцев не без основания высказывал предположение о диалектном происхождении этих слов, – например, слов хевирлеш, дүрзүлеш (в примерах, полученных от носителей языка: Кижин адыгга хевирлеш – Человек подобен медведю; Кышкы аргада төжек мөөгүге дүрзүлеш – Пенек в зимнем лесу подобен грибу. Эталон сравнения выражен именной словоформой в дательном падеже, которого требуют эти показатели: "подобен кому-чему". Дөмей, хевирлеш, дүрзүлеш сопоставимы с русским "подобен". Все они тре-

буют дополнительного комментария, раскрытия тех признаков, с которыми связано подобие: рост, повадки, походка и т.п. Во всех примерах сравнений с подобными показателями остается не выраженным тот аспект признака (а не сам признак!), по которому устанавливается сходство.

Литература

1. Васильев Ю.И. Сравнения в якутском языке, АКД, 1981.
2. Васильев Ю.И. Способы выражения сравнения в якутском языке. Новосибирск, Наука, 1986.
3. Коныров Т. Структурно-семантическая природа сравнения в казахском языке. Алма-Ата, АДД, 1985.
4. Тыбыкова Л.Н. Сравнительные конструкции алтайских языков. АКД, 1989.
5. Сат Ш.Ч. Тувинский язык // Тувинско-русский словарь. М., 1961, с. 434-438.
7. Шамина Л.А. Тувинское служебное слово дег: синтаксический статус и функции // Системность на разных уровнях языка. Новосибирск, 1990, с. 126-141.
8. Черемисина М.И. Некоторые вопросы синтаксиса (сравнительные конструкции современного русс. языка). Новосиб., 1971.
9. Черемисина М.И. Сравнительные конструкции современного русского языка. Наука, Новосибирск, 1976.
10. Древнетюркский словарь. Л., 1969, с. 546.
11. Насилов В.М. Древне-уйгурский язык. М., 1963, с. 59.
12. Убрятова Е.И. Следы древних тюркского, уйгурского и киргизского языков в современных тюркских языках Сибири // Языки народов Сибири. Кемерово, 1980, с. 16-30.
13. Мелиоранский П.М. Краткая грамматика казак-киргизского языка. СПб., 1897, с. 24.
14. Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. М., 1962, с. 342, 254, 47.
15. Катанов Н.Ф. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань, 1903, с. 205.
16. Насилов В.М. Грамматика уйгурского языка. М., 1940, с. 46.
17. Малов С.Е. Язык желтых уйгуров. Алма-Ата, 1957, с. 172.
18. Монгуш Д.А. О служебных функциях слов кижы, улус и чүве в тувинском языке // Тюркские языки Сибири, Новосиб., 1983, с. 12-36.